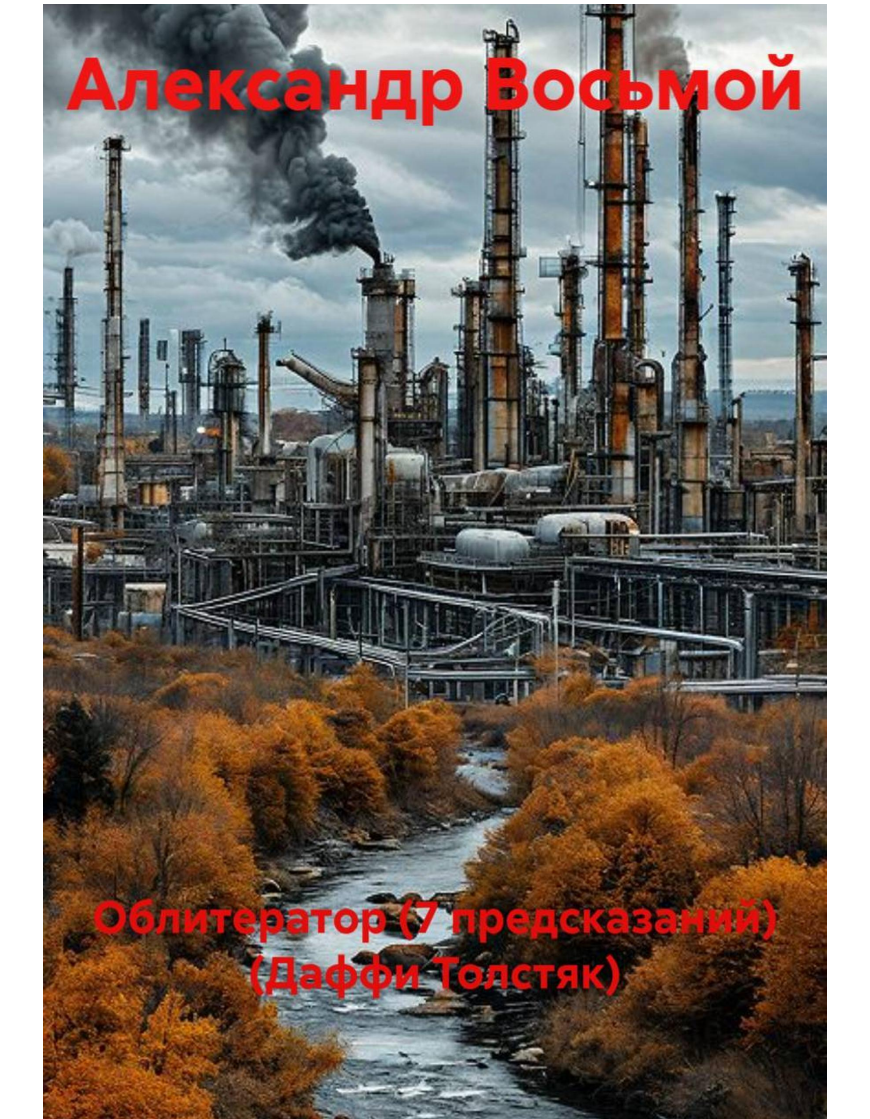




Александр Восьмой

**Облитератор (7 предсказаний)
(Даффи Толстяк)**

Александр Восьмой
Облитератор (7 предсказаний)
(Даффи Толстяк)

Серия «Предсказания», книга 1

<https://litres.ru/74073854>

SelfPub; 2026

Аннотация

В работе рассматривается гипотетический сценарий глобального экономического и экологического коллапса, спровоцированного одновременным кризисом на рынках нефти и меди. Анализируются риски истощения ключевых ресурсов, нарастания объёмов промышленных и бытовых отходов, а также цепной реакции в виде массового закрытия заводов и спада производства. Особое внимание уделено взаимосвязи сырьевого дефицита, деградации инфраструктуры и нарастания социально-экономической нестабильности. Автор моделирует каскадные эффекты: от роста цен и сбоев в цепочках поставок до масштабных миграций и утраты технологической устойчивости общества. Апокалиптический сценарий трактуется не как неизбежность, а как предельный вариант развития при отсутствии системных мер по ресурсосбережению и переходу к циркулярной экономике. Работа сочетает прогнозные модели, отраслевую статистику и сценарии кризисного управления.

Александр Восьмой Облитератор (7 предсказаний) (Даффи Толстяк)

Глава 1: Нефтяной кризис

2200 год. Мир, который когда-то гудел от моторов, теперь застыл в зловещей тишине.

На улицах мегаполисов — кладбище из металла и стекла. Ржавые машины, брошенные посреди проспектов, как безмолвные памятники ушедшей эпохи. Эскалаторы замерли, лифты не двигаются, небоскрёбы превратились в холодные каменные гробницы. Город, бывший символом прогресса, стал ловушкой.

Нефть кончилась. Не просто иссякла — исчезла, будто её никогда и не было. И вместе с ней рухнул весь привычный уклад жизни.

Трактора, которые десятилетиями бороздили поля, теперь стоят, покрытые пылью и ржавчиной. Их стальные тела бесполезны без капли топлива. Фермеры, привыкшие к машинам, теперь берут в руки лопаты и мотыги. Земля, некогда покорённая техникой, снова требует человеческого пота и крови. Каждый клочок пашни — это битва, где победа изме-

ряется горстью зерна.

Заводы, выпускавшие пластик, одежду, упаковку, лекарства — всё, что делало жизнь удобной, — замолчали навсегда. Конвейеры остановились, цеха опустели. Больше нет бутылок, пакетов, искусственных тканей. Мир вернулся к грубой, неудобной реальности: дерево, глина, лён, шерсть. То, что раньше казалось архаичным, теперь — роскошь.

Поезда, когда-то мчавшиеся по рельсам, теперь ползут, как древние чудовища, изрыгая клубы пара. Уголь стал новым золотом, но его мало, и он не может заменить всё, что давала нефть. Дороги пусты. Грузовики, грузовики-гиганты, перевозившие товары по всему миру, теперь ржавеют на обочинах, словно скелеты доисторических зверей.

Леса, которые раньше валили бензопилами за считанные минуты, теперь падают медленно, под ударами топоров. Каждый ствол — это дни тяжёлого труда. Люди рубят деревья, чтобы согреться, но сил хватает лишь на хворост. В тайге, где морозы сковывают землю, люди замерзают, потому что не могут добыть достаточно дров. Зима здесь не просто холод — это убийца, методично уничтожающий слабых.

Города, некогда кипевшие жизнью, теперь пустеют. Люди бегут из небоскрёбов, оставляя позади квартиры, технику, иллюзию безопасности. Они идут в деревни, где земля ещё может дать пищу, где можно построить дом из дерева, где огонь в печи — не роскошь, а необходимость. Деревни становятся новыми центрами выживания, крошечными остров-

ками надежды в океане хаоса.

Но даже там жизнь — это постоянная борьба. Чтобы прокормить скот, нужно сено, а чтобы собрать сено, нужны силы и время. Без тракторов каждый пучок травы — это тяжёлый труд. Искусственная кожа, пластик, синтетические материалы — всё это стало легендой, сказкой из прошлого. Теперь обувь шьют из грубой кожи, посуду делают из глины, инструменты — из дерева и металла, выкованного вручную.

Мир 2200 года — это мир, где прогресс обернулся против себя. Где технологии, которые должны были освободить человека, стали его тюрьмой. Где каждый день — это борьба за выживание, где каждое решение может стать последним.

Это не просто кризис. Это конец одной эры и начало другой — суровой, жестокой, но, возможно, более настоящей.

2200 год. Последний литр нефти был израсходован ещё в 2197-м. С тех пор мир не просто изменился — он треснул по швам, обнажив свою хрупкость.

Когда на табло нефтеперерабатывающего завода в последний раз моргнула цифра «0», никто не поверил, что это навсегда. А потом заглох первый двигатель. За ним — второй. И вскоре тишина накрыла планету, как саван.

Заводы, которые десятилетиями гудели, словно гигантские сердца цивилизации, застыли в мёртвой неподвижности. Конвейеры, где когда-то рождались машины, пластик,

ткани, теперь покрыты пылью и ржавчиной. Огромные цеха, полные теней прошлого, стали памятниками собственной гордыни. Металл остался, но без нефти он бесполезен: нет ни смазочных материалов, ни полимеров, ни топлива для плавильных печей. Индустриальная эра умерла в скрежете остановившихся механизмов.

Трактора, бывшие когда-то королями полей, теперь стоят, уткнувшись носом в сухую землю, как изваяния из ржавого железа. Их стальные тела — немые свидетели краха. Поля, которые раньше обрабатывались за часы, теперь покоряются только лопате и мотыге. Каждый взмах — это борьба. Каждая борозда — победа, оплаченная каплями пота. Земля больше не прощает слабости: она требует всего человека целиком — его силы, времени, жизни.

Нефтяной кризис не просто остановил машины — он перерезал артерии мира. Без топлива встали поезда, замерли корабли, рухнула логистика, связывавшая континенты. Города, жившие за счёт бесконечного потока товаров, начали задыхаться. Сначала исчезли удобства, потом — изобилие, а следом пришла настоящая тьма: не только электрическая, но и экзистенциальная. Люди вдруг осознали, насколько они зависимы от капли чёрной жидкости, которую веками выкачивали из недр Земли.

На смену нефти пришёл пар. Старые угольные котлы, давно списанные в утиль, снова ожили. По рельсам поползли паровые локомотивы, изрыгая клубы дыма, словно драконы

из древних легенд. Но уголь — не нефть: он даёт меньше энергии, требует больше труда и оставляет после себя горы золы. Мир теперь пахнет гарью и отчаянием.

Города, некогда сверкавшие огнями, погрузились в полумрак. Улицы, забитые брошенной техникой, стали лабиринтами из мёртвого металла. Машины, которые когда-то символизировали свободу передвижения, превратились в ржавые ловушки. Люди покидают мегаполисы, словно крысы с тонущего корабля. Их путь лежит туда, где ещё теплится жизнь — в деревни, к земле, к истокам.

Там, в тишине полей и лесов, рождается новый уклад. Люди учатся жить без пластика, без синтетики, без мгновенной связи. Они шьют одежду из льна и шерсти, лепят посуду из глины, строят дома из дерева. Каждый предмет теперь имеет вес — не только физический, но и смысловой. Здесь нет места излишествам: ценность определяется не ценой, а необходимостью.

Но цена этого нового мира ужасающе высока. Зима приходит безжалостно, и без бензопил лес становится неприступной крепостью. Топоры стучат без устали, но сил хватает лишь на хворост. В тайге, где мороз сковывает дыхание, люди борются не только с холодом — они борются с самим временем, которое отсчитывает последние минуты жизни.

Это не просто кризис. Это перелом. Конец эпохи, когда человек верил, что ресурсы бесконечны. Начало времени, когда выживание стало искусством, а каждый рассвет — чу-

дом.

Мир 2200 года — это мир, где тишина громче любого гула заводов, где труд ценится выше золота, а простая горсть зерна может стоить дороже небоскрёба.

Глава 2. Ельцин 2.0

2050 год. Россия стоит на пороге новой эры — или на краю пропасти. Экраны по всей стране вспыхивают одним и тем же кадром: на трибуне — человек, в котором узнаётся тень прошлого. Те же резкие черты, тот же напор, та же уверенность, что он знает, как «спасти страну». Его называют Ельцин 2.0. И страна, ещё не оправившаяся от экономических штормов предыдущих десятилетий, замирает в тревожном ожидании.

А потом начинается перестройка. Только теперь её называют не «перестройкой», а «оптимизацией эффективности». Слова звучат гладко, почти научно, но смысл у них один: резать по живому.

Первыми под удар попадают государственные структуры. В один день подписывается указ, который переворачивает жизнь миллионов. Все, кто служил в госучреждениях — от клерков в министерствах до инженеров в НИИ, от врачей в поликлиниках до учителей в школах, — получают уведомления об увольнении. Не «сокращения», не «реорганизации»

— именно об увольнении. Формально — чтобы освободить место для «новой модели управления». Фактически — чтобы стереть с лица земли старую систему.

На их места приходят самозанятые. Люди, готовые работать за десятую часть прежней зарплаты, лишь бы иметь хоть какой-то доход. Они подписывают договоры на фрилансе, не имеют соцпакета, больничных, отпусков. Их график — 12 часов в день, шесть, а то и семь дней в неделю. Им говорят: «Это свобода! Вы сами себе хозяева!» Но свобода эта горькая, как пепел на губах.

Система перестраивается с безжалостной скоростью. Госаппарат, который когда-то был громоздким, но стабильным, теперь напоминает скелет, обтянутый тонкой кожей. Бюджеты «оптимизируются», расходы на содержание служащих сокращаются в разы. Чиновники нового формата не сидят в кабинетах — они координируют процессы через цифровые платформы, где каждый отчёт, каждая подпись, каждое решение превращается в строчку кода.

Но за этой «эффективностью» скрывается катастрофа. Больницы работают на пределе: врачи-самозанятые принимают по 50 пациентов в день, не успевая даже толком выслушать жалобы. Школы превращаются в конвейеры: учителя проверяют сотни домашних заданий, не имея времени на живые уроки. Инженеры, проектирующие мосты и дороги, вынуждены брать по три заказа одновременно, чтобы свести концы с концами. Качество падает, ошибки множатся, но си-

стема требует скорости.

И тогда по стране прокатывается волна возмущения. Сначала — тихие роптания в чатах и на кухнях. Потом — одиночные пикеты у зданий администраций. А затем — массовые протесты. Люди выходят на улицы с плакатами, на которых написано: «Нас обокрали!», «Где наши гарантии?», «Это не свобода — это рабство!».

В Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Екатеринбурге толпы заполняют площади. Лозунги звучат всё громче, требования — всё жёстче. Люди чувствуют себя преданными. Они отдали годы службе государству, верили в стабильность, строили планы. А теперь их выбросили на обочину, заменив дешёвой рабочей силой, которую можно нанять и уволить одним кликом.

Власти пытаются удержать ситуацию под контролем. Вводятся новые законы о «регулировании публичных мероприятий», усиливается работа цифровых систем наблюдения. Протесты называют «деструктивными действиями», а их участников — «агентами хаоса». Но чем жёстче становится реакция, тем сильнее накаляется обстановка.

В регионах начинаются локальные революции. В некоторых городах люди захватывают здания администраций, требуя отмены указов и возвращения прежних условий труда. В других — рабочие устраивают забастовки, останавливая производство. Страна раскалывается на тех, кто верит в «новую эффективность», и тех, кто видит в ней грабёж.

Ельцин 2.0 стоит на трибуне и говорит о «жёстких, но необходимых мерах», о «переходе к гибкой экономике», о «свободе выбора для каждого гражданина». Но его слова звучат всё менее убедительно. В глазах людей он — не спаситель, а человек, повторяющий ошибки прошлого, только теперь в более технологичной упаковке.

Ночь. Площадь в центре Москвы. Тысячи фонариков, поднятых вверх, напоминают звёзды, упавшие на землю. Люди поют старые песни, читают стихи, делятся историями о том, как их жизнь изменилась за считанные месяцы. В воздухе витает не только холод, но и решимость. Это не просто протест — это крик души целой страны, которую обманули и предали.

Россия 2050 года стоит на перепутье. С одной стороны — холодный расчёт, цифры, алгоритмы, обещающие «эффективность». С другой — живые люди, их боль, их право на достойную жизнь. И пока чаша весов колеблется, будущее страны висит на волоске.

Теперь ты – «самозанятый», сиди и слушай, прославь тиранов

Глава 3. Медь

2100 год. Планета выдохлась. Последняя тонна меди была поднята из недр Земли в шахте на Кольском полуострове. Экскаватор дёрнулся, лязгнул железом — и замер. Ковш так

и остался висеть в воздухе, словно в немом вопросе: «А что дальше?»

С этого мгновения мир начал рассыпаться на части — не с грохотом, а с тихим, зловещим щелчком, когда из цепи выпадает последнее надёжное звено.

Медь была кровью цивилизации. Не громкой, как нефть, не очевидной, как уголь, но самой важной — той, что бежала по жилам городов, оживляя провода, заставляя биться сердца трансформаторов, зажигая свет в миллиардах окон. Без неё электроника становилась грудой мёртвого пластика и стекла.

Сначала исчезли мелочи, и именно они ударили сильнее всего. Перестали выпускать наушники — те самые, что заглушали шум мира и дарили иллюзию уединения. Люди вдруг оказались лицом к лицу с реальностью: с гулом ветра, скрипом старых домов, криками детей, которые теперь нельзя было спрятать за музыкой. Потом пропали лампочки. Сначала — светодиодные, потом — даже старые лампы накаливания, ведь и в них медь была нужна. Свет начал уходить из домов, как уходит тепло из остывающего тела.

За лампочками и наушниками последовали датчики — те незаметные стражи, что следили за температурой, давлением, движением. Без них остановились системы климат-контроля. Ветродуйки, которые раньше тихо гудели в углах комнат, прогревая воздух, теперь стояли мёртвыми коробками. Дома начали остывать. Сначала понемногу, потом всё силь-

нее. Зима пришла не как сезон, а как приговор.

Провода — тонкие, гибкие, вездесущие — стали роскошью. Их начали беречь, как драгоценности. Старые кабели выкапывали из-под асфальта, очищали от изоляции, переплавляли и тянули заново, но этого хватало лишь на самые важные узлы: больницы, правительственные здания, склады. Остальной мир погружался в полумрак. Улицы, когда-то залитые неоном, теперь освещались редкими фонарями, работавшими на остатках запасов.

Конденсаторы — эти крошечные хранители энергии — тоже исчезли с конвейеров. Без них не работали стабилизаторы, не запускались двигатели, не держался заряд в батареях. Электроника, которая должна была служить десятилетиями, начала умирать за месяцы. Смартфоны, планшеты, ноутбуки превращались в бесполезные прямоугольники. Связь рушилась. Интернет, когда-то казавшийся вечным, стал роскошью, доступной лишь в отдельных анклавах.

Вся промышленность, связанная с медью, остановилась. Заводы, где когда-то гудели станки, теперь стояли в тишине, нарушаемой лишь скрипом ржавых механизмов и шагами редких охранников. Шахты, истощённые до предела, были закрыты. На их месте остались зияющие раны в земле — шрамы, напоминающие о том, сколько мы взяли и ничего не вернули.

Электромобили, когда-то символ прогресса и чистой энергии, стали легендой. Их производство прекратилось: без

меди невозможно сделать ни двигатель, ни аккумулятор, ни систему управления. Те немногие машины, что ещё ездили, превратились в реликвии. Они стояли в гаражах олигархов, в охраняемых комплексах, куда простым людям вход был заказан. Для большинства населения электромобиль стал не транспортом, а мифом — чем-то из прошлого, о чём рассказывали старики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.